

**ПОЭЗИЯ Н.Г. ДЖУСОЙТЫ
В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПЕРЕВОДАХ 1960-Х ГГ.:
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ
АНАЛИЗ**

Елизавета Борисовна Дзапарова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, отдел фольклора и литературы, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук» (Владикавказ, Россия); <https://orcid.org/0000-0002-1388-0268>; L-dzaparova@mail.ru

В статье впервые представлен сравнительно-сопоставительный анализ переведенных в 1960-х гг. известным русским поэтом и переводчиком Я.А. Козловским (1921-2001) стихотворений патриарха осетинской литературы Н.Г. Джусойты (1925-2017). Автором статьи прослеживается адекватность передачи текстов на уровне содержания и формы. В частности, выявляются способы перевода художественных образов и сохранения национального колорита оригинала, передачи авторских интенций в целом. В разноязычных текстах (оригинал, перевод) устанавливается соотношение уровней эквивалентности лексических единиц (полная, частичная, нулевая). В ходе исследования делается вывод о том, что переводческая концепция Я. Козловского в основном строится на изменении оригинала, внесении в текст собственных поэтических средств. Некоторые художественные образы переводчиком могли быть заменены либо потеряны в процессе передачи исходного текста в другое лингвокультурное пространство. При этом переводчик пытался не отходить от идейно-тематического содержания оригинала, старался раскрыть мысль автора и сохранить национальную специфику текста («Письмо матери»). При переводе некоторых лирических произведений переводчик, словно соревнуясь с автором («Переводчик в прозе есть раб; переводчик в стихах – соперник» – В.А. Жуковский), предлагал собственное стихотворение, написанное по мотивам оригинала («Последнее желание»). Наблюдается также контаминация эквивалентного и свободного перевода в рамках одного текста («Балкарское горе»). В целом переводческие преобразования оригинального текста происходят посредством различных трансформаций: экспликации, синтаксической модуляции, опущения и т. д. Формальная организация стихотворений не всегда выдержана в переводах: меняется способ рифмовки, не совпадает размер стиха.

Ключевые слова: осетинская поэзия, художественный перевод, Н.Г. Джусойты, Я.А. Козловский, образ, эквивалент, авторские интенции.

Для цитирования: Дзапарова Е.Б. Поэзия Н.Г. Джусойты в русско-язычных переводах 1960-х гг.: сравнительно-сопоставительный анализ // KAVKAZ-FORUM. 2023. Вып. 15(22). С. 16-30. DOI: 10.46698/VNC.2023.22.15.001

Введение

Осетинская поэзия 1960-1980-х гг. «характеризуется расширением тематики, углублением философских мотивов, поиском новых форм» [1, 283]. В лирических произведениях находит новое осмысление прошлых тем (революция, гражданская война, репрессии 1930-1940-х гг. и др.). Актуальность не теряют темы жизни и смерти, любви, патриотизма, поэта и поэзии. Героем лирических произведений становится современник. Объектом художественного интереса поэтов является духовный мир, глубоко интимные переживания лирического субъекта.

В 1960-1980-х гг. расширяются межлитературные связи. Художественный перевод осуществляется как с русского на осетинский, так и с осетинского на русский язык. Так, на осетинский язык переводятся классические произведения русской литературы: «Евгений Онегин» А. Пушкина (пер. Н. Джусойты), «Они сражались за Родину» М. Шолохова (пер. Г. Дзаттиаты), рассказы В. Шукшина (пер. М. Дзасохова), «Горячий снег» Ю. Бондарева (пер. С. Хабиева), «Как закалялась сталь» Н.А. Островского (пер. К. Бадоева) и мн. др. Большое внимание уделяется наиболее известным произведениям детской литературы. В переводе представлены и русские народные, китайские, индийские сказки.

Цель создания единой всесоюзной литературы способствовала к активизации переводов и на русский язык. Для перевода избирались произведения наиболее известных авторов, своим творчеством демонстрировавших достижения осетинской литературы.

Переводная на русский язык осетинская литература представлена разножанровыми произведениями. Литература обогащалась благодаря переводам таких маститых поэтов и профессиональных переводчиков, как А. Ахматова, Н. Заболоцкий, Л. Озеров, Н. Рубцов, Р. Казакова, Б. Ахмадулина, Б. Окуджава, Е. Евтушенко, Я. Козловский... Достоянием русскоязычного читателя становились произведения классиков осетинской литературы. Большой пласт переводной литературы составляют произведения писателей старшего поколения и молодых поэтов.

В 1960-х гг. ведущее место в осетинской литературе заняло творчество Г. Плиева, Б. Муртазова, А. Царукаева, Н. Джусойты, Р. Асаева и др. поэтов, чьи эстетические принципы оказали большое влияние на ее дальнейшее развитие. Тематика их поэзии была разнообразной: тема недавно отгремевшей войны, тема детства, родины и чужбины, поэта и поэзии, любви,

жизни и смерти... Поэтический мир этих авторов был интересен и переводчикам – Т. Веселовой, А. Голембе, Б. Лейтину, И. Френкелю, В. Шаламову, А. Кронгаузу и мн. др. Демонстрируя поэзию в русскоязычном литературном пространстве, они знакомили читателей с инокультурными художественными образами, становясь полноправными соучастниками литературного процесса.

Проблемам поэтического перевода в настоящее время уделяется пристальное внимание в рамках национальных литератур. Потребность в обобщении проблем теории художественного перевода как разновидности межъязыковой и межкультурной коммуникации в последнее время особенно возросла для филологических дисциплин. Этим и определяется актуальность предпринятого нами научного изыскания.

Цель исследования – применяя литературоведческий подход в оценке перевода поэтических произведений Н.Г. Джусойты на русский язык, проследить степень их эквивалентности по отношению к оригиналу.

Основная часть

Творчество известного осетинского писателя Нафи Григорьевича Джусойты на русском языке известно благодаря переводам Я. Козловского, И. Фаликова [2], Н. Орловой, М. Синельникова, Н. Дардыкиной, И. Хугаева [3], Н. Куличенко. Поэтические сборники «Мой горный край» (1963) и «Доброта» (1969) в переводе на русский язык представлены стихами Н. Джусойты конца 1940 – 1960-х гг. В переводные издания вошли стихотворения различной тематики из сборников «Æз райгуырдтæн хохы» («Я родился в горах», 1960), «Зын кары» («В трудном возрасте», 1962), «Æнæном чиныг» («Безымянная книга», 1967). Стихи о смысле жизни и смерти, друзьях и дружбе, назначении поэта и поэзии, любви, былом детстве и юности; немало стихотворений, посвященных малой родине, природе, матери.

Рассматривая стихотворения Н. Джусойты из книги «Зын кары» («В трудном возрасте»), впоследствии вошедшие в переводной сборник «Мой горный край», известный осетинский писатель, литературовед М. Казиты подчеркивает неординарную силу таланта, проявленную поэтом в них: «Его внимание охватывает разнообразные стороны духовного мира современника. Многие его стихи философичны, он разрабатывает темы глубокой, чистой любви, эстетической позиции поэта в жизни...» [4, 26].

Сборник «Мой горный край» [5] представлен разнострофными и астрофичными стихами. Отдельным блоком помещены четверостишия, которые и в переводе сохраняют свою поэтичность и афористичность. Небольшие и близкие по тематике стихи объединяются переводчиком Я. Козловским в одно стихотворение («Осенние стихи», «Летний дождь»).

При переводе стихотворений переводчик старался раскрыть мысль автора, сохранить национальный колорит даже при вводе дополнительных штрихов. Примером может послужить перевод стихотворения «Письмо матери». Переводчик Я. Козловский создает образ матери местами собственными поэтическими средствами. Найденные переводчиком словесные варианты выходили за пределы лексико-семантических средств подлинника. Преобразуя текст на русском языке, Я. Козловским исходный образ мог быть вовсе потерян и заменен другим. Например, при переводе строфы

*Зонын, Цæгаты фæндагмæ арæх
Ды дæ къухы бынæй кæсыс.
Зонын, уаты мæ ирон дарæс
Ды æрвылбон сыгъдæг кæныс... [6, 21].*

Знаю, на дорогу Севера часто
Ты из-под ладони своей смотришь.
Знаю, в комнате мой осетинский наряд
Ты каждый день чистишь...

(Здесь и далее подстрочный перевод наш – Е.Дз.).

*В сторону севера из-под ладони
Смотришь все чаще сквозь дымку версты
Вечером ставишь на подоконник
Лампу зажженную ты [5, 18].*

переводчиком, как видим, вторая часть отрывка передана совсем другими словесными средствами. Однако представленные в оригинале строки компенсированы Козловским в последующей строфе:

*Я на руках твоих вижу морщинки,
Словно тропинки в родимом краю.
Ты не позволишь и малой пылинке
Лечь на черкеску мою [5, 18].*

Расхождения с оригинальным текстом мы наблюдаем и в последующих строфах. Например:

*У нæ хæхтæн нывонд мæ уд дæр, –
Уым ныр дидинæг калы цым...*

*Иры алы дур, алы къутæр
У, æрдхордау, мæнæн фысым [6, 21].*

Нашим горам принадлежит и душа моя, –
Там сейчас цветет кизил...
Осетии каждый камень, каждый куст
Является, подобно другу, для меня гостеприимным.

Из приведенного отрывка в переводе сохранена лишь одна строка.

*Сердцем зеленые вижу низины,
Вижу я небо, где птицы щедры,
Вижу на склонах цветенье кизила,
Снег на вершине горы [5, 19].*

Как видим, Козловский создает далекий от поэтического содержания подлинника текст, сохраняя при этом и национальный контекст.

Весьма удачно представлена поэтизация действительности переводчиком в следующих строфах:

*Вижу луну, что во тьме осенила
Светом желтеющим лоно земли.
Слышу гортанную речь осетина,
Горскую песню вдали.*

*Ах, эта песня!
То ранит, как пуля,
То, как мечта, унесет в облака,
Песня, рожденная в горском ауле,
Мне бесконечно близка [5, 19].*

По переводным отрывкам можно судить о вполне самостоятельном произведении, лишь отдаленно напоминающем оригинал. Сравним с подлинником:

*Хъусын алыбон уырдыгæй ардæм
Æз ирон зард, ирон ныхас.
Хæхтæ, урс хæхтæ æмæ адæм –
Раст хъысмæтау, мæ цæсты раз.*

*Дæлæ кæмттæ сын дæг æрталынг.
Зарæг уынгты кæны зæлланг.
Зарæг зæрдæмæ хъавгæ 'внаны,
Зæрдæ рух фæндтæй, цинæй – дзаг [6, 21].*

Слышу каждый день оттуда сюда
Я осетинскую мелодию, осетинскую речь.
Горы, белоснежные горы и народ –
Верно судьба, перед моими глазами.

Вон в ущелье медленно стемнело.
Песня по улицам звучит.
Песня сердца осторожно касается,
Сердце светлыми думами, радостью переполнено.

В строках оригинала осетинский поэт издалека признается в любви знакомым с малых лет местам, родной речи и песни, которая своей сладкозвучностью способна вселить в душу радость и надежду. Как видим, переводчиком в текст вложен совсем другой смысл, при этом отрывки в переводе характеризуются яркой оценочностью повествования. Дополнительную поэтичность переводу придают и первые строки последующей строфы: *«Вижу – в травинках купаются зори, / Ветер покорную клонит траву...»*.

В большей части стихотворений, представленных в сборнике «Мой горный край», текст дословно не совпадает с оригиналом, художественный перевод дан с отрывом от строфико-смысловой идентичности параллельного текста. Я. Козловский при переводе старался лишь сохранить исходное высказывание на языке перевода. Допуская опущения и добавления, переводчик, как кажется, заслонял собой своеобразие автора. При подобной интерпретации перевод получался слишком независимым от оригинала (см. «Згъалы асфалтыл тæгæр йæ сыфтæ...» – «Улица. Утро. / Пылающий клен...»). Порой переводчик не сохранял не только количество строк в стихотворении, строфику, но ритм, размер, особенности рифмовки («Фæззыгон изæр Магъы 'фцæгыл» – «Осенний вечер на Магском перевале»).

В стихотворении «Æз саби, сусæгмаст, куы уыдтæн...» (в пер. «Обиды ранят, в этом суть их...») поэтический рассказ о сложности переживаемых лирическим героем обид в разных возрастных категориях в лексико-семантических сочетаниях слов разнится. Переводчиком не совсем понят посыл автора. В оригинальном отрывке лирический герой, будучи

юношей, не смел явно и открыто проявлять своей «любви тайную слезу». В лексиконе перевода отсутствуют слова, столь важные для понимания внутреннего мира лирического героя. Отсюда отрывок не получает той семантической расшифровки в переводе, которую имеет у Джусойты. Сравним:

*Æз ма æвзонг лæппу куы уыдтæн,
Дæ уарзтæй базырджын куы уыдтæн,
Æхсæв уыдисны бæрц куы рæзтæн,
Уылынг та – бон, уæд-у маæ цæсгом,
Маæ уарзты сусæггаг цæссыгтæ
Æдзух дæ дзыккуты æмбæхстон,
Æмæ-у ацыди маæ рис [7, 5].*

Я когда еще был молодым парнем,
Когда твоей любовью был окрылен,
Когда ночью вырастал на четверть,
А днем на пядь, тогда, бывало, свое лицо,
Моей любви тайные слезы
Всякий раз прятал в твоих волосах,
И уходила моя боль.

*Как вёсны, по кустам орешин
Летели годы.
Я возрос,
И на мои глаза все реже
Навертывались капли слез.
Порой не от обиды плачем,
И, в косы черные твои
Уткнувшийся лицом горячим,
Я, помню, плакал от любви... [5, 64]*

Однако игнорирование максимальной точности при передаче исходной информации местами улучшало текст в переводе. Дополнительные образные средства, как представляется, непосредственно влияют на восприятие текста и адекватность его эстетического воздействия на реципиента.

Подобного рода дополнения мы встречаем в переводе стихотворения «Фæндон» («Последнее желание»). Вполне лаконичное стихотворение в переводе приобретает развернутое описание. Я. Козловский, как бы со-

ревнуясь с автором, предлагает свое прочтение строк оригинала, собственное его художественной манере написания. Переводческую концепцию Козловского признавал и известный дагестанский поэт Расул Гамзатов, стихотворения которого он переводил с аварского на русский язык. Творческий тандем перерос в многолетнюю дружбу. Переводя Р. Гамзатова, Козловский нередко отрывался от буквы и передавал идейно-тематическое содержание стиха собственными поэтическими средствами, стихотворение получало в итоге другое поэтическое звучание. По этому поводу Р. Гамзатов отмечал: «Он меня переводит так, что потом, когда я перевожу его обратно на аварский, получается совсем другое стихотворение – гораздо лучше, чем у меня...» [8]. И здесь впору говорить не об отражении оригинала в переводе, а о разных произведениях, возникших «под влиянием различных культурных контекстов» [9, 36]. Сравним перевод Я. Козловского с оригиналом Н. Джусойты:

*Фæнды мæ мæн: куы мæ ссарид мæлæт,
Мæ хъуыддæгтæ бæстон куы фæуон, уæд.
Хæстон уæвгæй –
Ызнаджы риуы арц
Йæ фистоны онг сагъд куы 'рцæуа, уæд.
Хъæуон уæвгæй –
Фæззæгхоры кæритæм
Куы нал æфсæда цæст кæсынæй, уæд!
Фыссæг уæвгæй –
Зæрдæвæндиаг зарæг
Фæстаг дзырды онг фыст куы фæуа, уæд! [6, 72].*

Хотелось бы мне, чтобы смерть меня настигла,
Когда закончу основательно свои дела, тогда.
Будучи военным –
В грудь врага штык
Когда по рукоятку окажется вонзен, тогда.
Будучи сельским –
На изобилие осеннего урожая
Пока глаз смотреть не насытится, тогда!
Будучи писателем –
Песня, что сердцу желанна,
Когда до последнего слова будет дописана, тогда!

*На этом свете надобно уметь
Достойно жить и славно умереть.*

*Вернулся с детьми и женой
Кавказец ни в чем не повинный [5, 62].*

Как видим, переводческое преобразование оригинального текста происходит посредством синтаксической модуляции, вовлечением в процесс различных лексических трансформаций, в частности, «вклиниванием, добавлением дополнительных слов в структуру предложения» [12, 57]. Подобные дополнения разъясняют реципиенту места в тексте, которые читателю оригинала приходилось домысливать самому.

В тексте Н. Джусойты эмоциональная тональность трагического в дальнейшем усиливается подобранным словесным комплексом:

*Æмбæхст цæссыгтæй саугуырм къæсы раз.
Йæ зонгуытыл, сæрдзæф галау, æрхаудта.
Хъуына къæсæр йæ ризгæ армæй даудта,
Йæ уæзæгкъæйтæн кодта радгай пъатæ;
Æнæсыбыртт, хæкъуырцæггæй куыдта [7, 6].*

Со скрытными слезами возле ослепшего дома.
На колени внезапно упал.
Замшелый порог дрожащей рукой гладил,
Свои родные пороги поочередно целовал;
Бесшумно, всхлипывая, плакал.

Переводческая трансформация не смягчила эмоциональность отрывка у Я. Козловского:

*Увидел замшелый порог,
И, встав перед ним на колени,
Он камень слезами прожег,
Целуя седые ступени.*

*Текли, просветленья полны,
Жестокие слезы мужчины.
И были в них отражены
Стоявшие рядом вершины [5, 62].*

Как видим, в переводном отрывке представлено сочетание эквивалентного и свободного перевода. Первая строфа в переводе является отражением подлинника, вторая же – созданная переводчиком индивиду-

ально-авторская интерпретация строк по мотивам оригинала Н. Джусойты. Подобное переложение подлинника на переводящий язык, конечно же, демонстрирует поэтический талант переводчика, но представленный Я. Козловским во второй строфе текст не является переводом этого оригинала. В переводе, как представляется, преобладает стремление донести до реципиента образную систему и индивидуальный стиль самого переводчика словами и словосочетаниями, не имеющими семантических аналогов в оригинале: «камень слезами прожег», «целуя седые ступени», «жестокые слезы»...

Сравнивая перевод с оригиналом в последующих отрывках, видим, что смысловая близость текста Я. Козловского с подлинником минимальна.

В сборнике «Доброта» представлены стихи на разные темы, но в центре них – лирический герой, тесно связанный со своим родным краем, чувствующим людскую боль и печаль. Это герой-философ, размышляющий над основными законами бытия.

Стихотворение «Хæстон дуг» («Воюющий век») отражает размышления автора об отсутствии гармонии в жизни, где идет борьба между жизнью и смертью, войной и миром. Н. Джусойты вопрошает, когда же придет конец воюющему веку и придет гармония на землю. На извечный вопрос осетинский поэт и сам не дает ответа.

Перевод, принадлежащий Я. Козловскому, сохраняет антагонизм добра и зла в основе всего стихотворения, но предлагает для выражения концептуальной составляющей произведения свою интерпретацию. Для сравнения возьмем наиболее близкие по расставленным в нем смысловым акцентам отрывки:

*Æдзух лæджы уд тымыгъмæ лæууы,
Кæсы, куырыхон халонау, йæ уоны.
Уыны 'мæ хъусы: богъ-богъ, худт, кæуын.
Æнусты хæст. Нæй а-зæххыл гармони.
Хæсты дуг у! Мæ цæсгомыл æдзух
Æрвæрттывд æмæ тар кæрæдзи ивынц.
Куы мын ызнæт дуг ацахсы мæ хурх,
Куы та мæм ныфс, куырыг рухсау, æрттивы... [13, 151].*

Часто человеческая душа стоит на ветру,
Смотрит, подобно мудрому ворону, через плечо.
Видит и слышит: рыдание, смех, плач.
Война веков. Нет на этой земле гармонии.

Это век войн! На моем лице часто
сияние и мрачность друг друга сменяют.
То беспокойный век меня душит,
То на меня надежда тусклым светом светит...

*Душа человека провидеть стремится
На сшибе метельных и солнечных лет,
Земля то печалится, то веселится,
Как вечном бою, где гармонии нет.*

Воюющий век.

И ложится на лики

*То молнии отсвет, то сумрака тень,
То слышатся рядом тревожные крики,
То снова хмелен от веселия день [2, 45].*

Варианты истолкования представленных в оригинале предложений в переводе иные. Но, несмотря на некоторые денотативные отступления с оригиналом, перевод сохранил основной посыл поэта-гуманиста – его негативное отношение к войне. Переводчик отражает значимые смыслы, символ воюющего века выступает важнейшим семантическим составляющим разноязычных текстов.

Форма передачи стихотворения на русском языке отличается от оригинальной. Астрофические стихи подлинника в переводе передаются катренами. Рифма к строкам Н. Джусойты не всегда подобрана. У Козловского стих сплетается благодаря перекрестной рифмовке. Не совпадает в строках и количество слогов, размер стиха.

Подобная переводческая тактика применима Я. Козловским и при переводе других стихотворений сборника. Идентичность значений слов не достигается в русскоязычных переводах, поэтому анализ строится на передаче смысла целого. Наряду с семантической трансформацией исходного значения, переводчик применяет различные содержательно-формальные преобразования. Я. Козловский прибегает к импликации («Дзуапп дард кæстæртæн» – «Не смрадный дух корысти мною правил», «Ма тæрс, зæхх!» – «Земля, ты словно круг мишени...», «Рæвдауæн стих» – «Стихи утешенья»), ступенчатый стих передан катренами («Мæ хæдзар æмæ мæ дуне» – «Дом и мир», «Сылгоймаджы цæссыгтæ» – «Женские слезы»), секстетамы («Лæгдзинад» – «О мужестве») и т. д. Но не всегда в стихотворениях сборника переводчик пытался что-то изменить. Стремление передать основные интенции автора, образную систему подлинника, ав-

торский идиолект обнаруживается нами в стихотворениях «Ном» – «Имя», «Хæрзбон, мæ фыдæлтæ, хæрзбон!» – «Прощание с предками», «Æхсæв хæхты» – «Ночь в горах».

Заключение

Переводческая концепция Я. Козловского в основном строится на стремлении к свободному переводу. Большинство переводных стихотворений – творческое переосмысление текста оригинала. Игнорирование в переводе исходной информации способствовало созданию нового стихотворения. При этом единицы перевода передаются с различной степенью эквивалентности (полной, частичной, нулевой). Стихи поэтичны, в них ярко проявилась индивидуальность переводчика, но степень эквивалентности единиц перевода минимальна. В разноязычных текстах не совпадает их композиционное членение, местами изменено и ритмическое строение оригинала.

-
1. Очерк истории осетинской советской литературы. Орджоникидзе, 1967. 420 с.
 2. *Джусойты Н. Доброта* / пер. с осет. Я. Козловского, И. Фаликова. М.: Советский писатель, 1969. 92 с.
 3. Горный ветер. 2018. №27-28. С. 220-221.
 4. *Казиты М.Р. Песню оставить потомкам: художественный мир Н. Джусойты* // Вестник Владикавказского научного центра. 2015. №5. Т. 15. С. 24-34.
 5. *Джусойты Н. Мой горный край* / пер. с осет. Я. Козловского. М.: Советский писатель, 1963. 99 с.
 6. *Нафи. Æз райгуырдатæн хохы*. Сталинир, 1960. 128 ф. (на осет. яз.).
 7. *Нафи. Зын кары*. Цхинвал, 1962. 102 ф. (на осет. яз.).
 8. Поэты славой не меряются... К 100-летию Якова Козловского [электронный ресурс]. URL: <https://stmegi.com/posts/91024/poety-slavoynemeryayutsya-k-100-letiyu-yakova-kozlovskogo/?ysclid=I6kot04bay81792141>
 9. *Солодуб Ю.П., Альбрехт Ф.Б., Кузнецов А.Ю.* Теория и практика художественного перевода. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 304 с.
 10. *Дзапарова Е.Б. Н.Г. Джусойты – переводчик поэзии К. Кулиева на осетинский язык* // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2019. № 21. С. 195-208.
 11. *Мамиева И.В.* По зову высокого братства душ (цикл стихотворений «Судьба поэта: дума о Кайсыне» Н. Джусойты) // Творчество Кайсына

Кулиева в контексте мировой художественной культуры. Нальчик, 2018. С. 118–129.

12. Дзенс Н.И., Перевышина И.Р. Теория перевода и переводческая практика. СПб.: Антология, 2012. 560 с.

13. Нафу. Ӕнӕном чыныг. Цхинвал, 1967. 250 ф. (на осет. яз.).

N.G. DZHUSOYTY'S POETRY IN THE RUSSIAN TRANSLATIONS OF THE 1960s: COMPARATIVE ANALYSIS.

Dzaparova, Elizaveta B. – Candidate of Philology, Senior Researcher, Department of Ossetian Literature and Folklore, V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); <https://orcid.org/0000-0002-1388-0268>; L-dzaparova@mail.ru

Keywords: *Ossetian poetry, literary translation, N.G. Dzhusoity, Ya.A. Kozlovsky, image, equivalent, author's intentions.*

The article for the first time presents a comparative analysis of the translations of the poems by the patriarch of Ossetian literature N.G. Dzhusoity (1925-2017) into Russian made by a famous Russian poet and translator Ya.A. Kozlovsky (1921-2001) in the 1960-s. The author of the article traces the adequacy of the transmission of texts at the level of content and form. In particular, ways of translating artistic images and preserving the national color of the original, conveying the author's intentions in general are revealed. In multilingual texts (original, translation), the ratio of equivalence levels of lexical units (full, partial, zero) is established. The study concludes that the translation concept of Y. Kozlovsky is mainly based on changing the original, introducing his own poetic means into the text. Some artistic images could be replaced or lost by the translator in the process of transferring the original text to another linguistic and cultural space. At the same time, the translator tried not to deviate from the ideological and thematic content of the original, tried to reveal the author's thought and preserve the national specificity of the text ("Letter to Mother"). When translating some lyrical works, the translator, as if competing with the author ("A translator in prose is a slave; a translator in verse is a rival" - V.A. Zhukovsky), offered his own poem based on the original ("Last Wish"). There is also a contamination of both equivalent and free translation within the same text ("Balkarian Mountain"). In general, translation transformations of the original text occur through various means: explication, syntactic modulation, omissions, etc. The formal organization of the poems is not always consistent in translations: the way of rhyming changes, the meter of the verse is not observed.

For citation: *Dzaparova, E.B. N.G. Dzhusoity's poetry in Russian Translations of the 1960s: Comparative Analysis. KAVKAZ-FORUM. 2023, iss. 15(22), pp. 16-30. (In Russian). DOI: 10.46698/VNC.2023.22.15.001*

References

1. *Ocherk istorii osetinskoj sovetskoi literatury* [Essay on the History of the Ossetian Soviet Literature]. Ordzhonikidze, 1967. 420 p.
2. Dzhusoity, N. *Dobrota* [Kindness]. Translated from Ossetian by Y. Kozlovsky, I. Falikov. Moscow, Sovetskii pisatel', 1969. 92 p.
3. *Gornyi veter* [Mountain wind]. 2018, no. 27-28, pp. 220-221.
4. Kazity, M.R. *Pesnyu ostavit' potomkam: khudozhestvennyi mir N. Dzhusoity* [Leaving a Song for Posterity: the Artistic World of N. Dzhusoitya]. *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra* [Vestnik of Vladikavkaz Scientific Centre]. 2015, no. 5, vol. 15, pp. 24-34.
5. Dzhusoity, N. *Moi gornyi krai* [My mountainous region]. Translated from Ossetian by Y. Kozlovsky. Moscow, Sovetskii pisatel', 1963. 99 p.
6. Nafi. *Æz raiguyrdæn khokhy* [I was born in the mountains]. Stalinir, 1960. 128 p. (in Ossetian).
7. Nafi. *Zyn kary* [At a Difficult Age]. Tskhinval, 1962. 102 p. (in Ossetian).
8. *Poety slavoï ne meryayutsya... K 100-letiyu Yakova Kozlovskogo* [Poets don't compete un glory... To the 100th anniversary of Yakov Kozlovsky] [Electronic resource]. URL: <https://stmegi.com/posts/91024/poety-slavoy-ne-meryayutsya-k-100-letiyu-yakova-kozlovskogo/?ysclid=l6kot04bay81792141>
9. Solodub, Yu.P., Al'brekht, F.B., Kuznetsov, A.Yu. *Teoriya i praktika khudozhestvennogo perevoda* [Theory and Practice of Literary Translation]. Moscow, Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 2005. 304 p.
10. Dzaparova, E.B. N.G. *Dzhusoity – perevodchik poezii K. Kulieva na osetinskii yazyk* [N.G. Dzhusoity – translator of K. Kuliev's poetry into Ossetian]. *Izvestiya SOIGSI. Shkola molodykh uchenykh* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies. School of young scientists]. 2019, no. 21, pp. 195–208.
11. Mamieva, I.V. *Po zovu vysokogo bratstva dush (tsikl stikhotvorenii «Sud'ba poeta: дума о Kaisyne» N. Dzhusoity)* [At the Call of the High Brotherhood of Souls (a cycle of poems «The fate of the poet: the thought of Kaisyn» by N. Dzhusoity)]. *Tvorchestvo Kaisyna Kulieva v kontekste mirovoi khudozhestvennoi kul'tury* [Kaisyn Kuliev's work in the context of world artistic culture]. Nalchik, 2018, pp. 118–129.
12. Dzens, N.I., Perevyshina, I.R. *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika* [The theory of translation and translation practice]. St. Petersburg, Antologiya, 2012. 560 p.
13. Nafi. *Ænænom chinyg* [Untitled book]. Tskhinval, 1967. 250 p. (in Ossetian).